

А. Г. ПЕТРИЦКИЙ

17
/Выступление на вечере, посвященном 75-летию со дня рождения А. С. Курбаса 14 мая 1962 года/

Друзья мои! Молодь, такая молодь, в возрасте, как ^уменя сын есть. Я своего сына люблю, люблю и вас молодь. Люблю за то, что вы молодые и честные, но вы... Я говорю, пользуясь тем, что времени мало и все устали придется ~~собрать~~ ^{сказать} все то, что хотелось ^{сказать}. Будут наверное еще вустричи, где мы будем не раз говорить про Курбаса, про украинский театр, про украинское мистецтво и тогда отдельные проблемы можно будет может так шире, глубже осветить, чем при такой аудитории, большой и в то же время маленькой - трудно об этом говорить.

Мне хотелось бы вот что сказать. Мне очень грустно сегодня, очень грустно. Мне больно потому, что говоря о Курбасе, вот доклад замечательный, наш замечательный Василий Степанович Василько. Это единственный человек, который знает историю театра, ее знает правдиво по материалам. Он собирал, самоотвержено собирал этот материал. У него есть собранные материалы, он организатор музея театрального, вот там источники правды о театре, а остальное гнусная брехня. /Бурные ^аплодисменты/. Не надо ^аплодировать, время только уходит.

Товарищи. Понимаете, какая штука. Знал Курбаса я с первых дней, когда тут вот он появился в нашей Украине. Я с ним дружил, сорился, любил его, иногда я ненавидел; так же и он меня любил, ненавидел и так далее. Не раз мы с ним, т.е. не то, что не раз, часто ночи напролет, гуляли. Жил он скромно, как мы все жили, так мы не жили, как теперешние артисты.

У Курбаса одно было удовольствие, вот супруга Валентина Николаевна, Чистякова не даст мне т.с. соврать. У него были друзья книги, много книг у Курбаса было и для удовольствия, что мог позволить себе Курбас, при очень, очень скромной жизни - он любил черное кофе. Вот выпьет он кофе или до кофе, но мы жили в одном помещении, когда "Идем Анатолий", или как он мне говорил, так немножко с галицким акцентом, "Анатолий - пойдем погуляем". И мы, иногда, целые ночи. Что ж это были за ночи. В работе страдание, в прогулке страдание, страдания большого настоящего, пытливого, большого художника, который никогда не был удовлетворен тем, что он делает, все время в нем бурлила страсть, бурлил пыливый ум, создавать, создавать, новое, интересное.

Повторять многое, что тут говорили я не смогу. Но вот я за нескольких 2-3 ^{шестидесяти} минут, второй раз на чествовании большого советского человека. Я был на таком же посмертном юбилее, человека, которого я очень уважал, уважаю и даже любил. Это редко, потому что это не близкий мне друг с которым мог. А это нарком, министр, который т.с. у власти стоял очень высоко. Это я был на юбилее Скрипника. Николая ~~Алексе~~евича, где мне страшно понравилось, что аудитория, где должно было собратся 600 человек, было 900, или не знаю - 1000. Забыто все.

Второй такой юбилей о большом человеке, большом художнике, как здесь говорили с трибуны, гениальном художнике Курбасе, я не вижу такую аудиторию. Я вижу молодых людей, моих т.с. ну, как бы сказать, я не знаю образа - сыновей, которым я с любовью скажу вам два слова и вижу очень мало общественных деятелей Украины.

Вот тут П.Самийленко, С.Бондарчук, В.Василько, знаете целый ряд людей с которыми я впервые встретился в одном доме, у одного богатого человека на средах таких художественных, где там нас кормили голодных бутербродами, и там были разные разговоры о театре, о новом театре. И вот когда я на реплику С.Бондарчука, услыхал еврейский смех почему-то смех. Одно дело та Европа, которая сейчас наш враг, враг нашего социалистического строя, нашей партии, и другая Европа, которая для нас, для украинского театра, нужна была эта ступенька.

Не забудьте, товарищи, не забудьте одну и особенно молодым я хочу сказать. Не забудьте, то, товарищи, что мы тут сидим, благодаря тому, как говорил тов.Власюк, благодаря тому, что были XXI и XXII съезды партии, благодаря тому, что партию возглавляет Н.С.Хрущев, который, любит Украину. Он нас уважает и нам позволяет говорить, как равным всем о себе, о своих т.е. нуждах, чаяниях, мечте. Это так важно, товарищи. Не будь этого, не чувствовали бы Курбаса, не чувствовали бы, а осталось бы то, что написано в той, хуже чем парнографической литературе, хотя... /бурные аплодисменты, крики "браво", браво".../. Хотя и штамп Академии Наук стоит.

Но честно, честное слово, я хочу только, молодые, товарищи мои, Вам сказать такую штуку. Вот такая страшная вещь, я дружил с Курбасом, я дружил с Довженком, Сашком, я дружил с Бучмой, я дружил, фамилии некоторых товарищей не хочу называть. Их очень много было. Тут сидящие мои товарищи старые, все мы несчастные люди. Вот Курбас трагическое лицо и мы трагические. Один 12, другой 15 лет сидел на каторге, другой такой, как я не сидел на каторге, а обвешан, имею все ордена, какие для гражданского чело-

века есть. В то же время 26 лет последних лучших своих, когда я мастер мне не дают работать /аплодисменты/.

Трудно было, трудно Бондарчуку, трудно Курбасу, Курбасу вдвойне или втройне. Страшная трагедия для художника, когда его мысль, мечта, мозги, которые должны творить находят сопротивление в том, что он не имеет возможности применить свое творчество. В Курбасе это было, он не имел возможности. Вы слушали голод, тряпки, сараи, холод, денег нет, вот в таких условиях он не мог осуществить то, о чем мечтал. Но он сделал очень много, он так сделал много этот новатор украинского театра, украинского искусства, как никто не сделал. Ступенька европейского искусства, ведь мы же не имели кроме побутового театра ничего. Вот не знаю, есть ли тут Смерека или нет, я с ней работал когда-то в Ромнах, в сарае, в Летнем театре начинал я свою карьеру. Смерека, кто еще не знаю, есть ли тут она. Есть или нет? Нет. Вот украинский театр. И только в Киеве Садовского-Саксаганского театр имел приличное помещение и что-то там делал.

Мы же не имели ничего. Ни оперы, ничего. Вот так, как сейчас мы имеем благодаря партии возможность разговаривать сейчас свободно, наша партия создала прекрасный, в Киеве я считаю, оперный театр. Т.е. не совсем, но возможности делать в театре исключительные, такие же как в Большом театре Москвы. Это большое достижение наше в украинской культуре.

Вот говорили о творческом методе, подробно Курбаса. Я не знаю, чтобы сейчас Курбас делал если бы он был жив. Думаю делал бы великолепные шедевры искусства, которыми бы гордились мы в целом мире. Я в этом уверен! /Бурные аплодисменты/.

И Курбас был бы настоящим художником метода социалистического реализма.

Товарищи! Я заканчиваю, потому, что, просто, мне есть чего рассказать, но нельзя при такой большой аудитории, нельзя. Глупо это говорить.

Но, товарищи, молодежь, я думаю, что лучшим памятником, который мы сделаем для Александра Степановича Курбаса - этого великого художника, этого борца за новое искусство, новатора настоящего, если мы ответим одной вещью.

Вспомните вы, товарищи, что в партийных документах, съездах сказано о том, что партия наша на данном этапе ~~жестко~~ требует от нас новаторского искусства. Это, молодежь, я хочу обратить ваше внимание. Вам даются все возможности новаторского искусства. Только не смешивайте одну вещь, не смешивайте абстракционистов кубистов, то что прошло. Я не буду говорить плохое это, хорошее это. Это прошло. Этому уже 60, а там и 100 лет давности.

Наше искусство, искусство которое должно восславить Коммунистический строй, оно должно быть новаторским, большим, не малым, не ~~легким~~ ^{мелким}, не развлекательным. Для этого есть такие актеры, которые на эстраде развлекают чепухой и т.д.

Партия требует от нас большого искусства, большого человеческого искусства и предлагает быть нам новаторами, т.е. вам, молодежи. Вот хорошая, благородная, талантливая молодежь, которая организовала этот вечер, ~~в~~ ^ввникните в это, вникните не в то что делали французы и т.д., а вот то что требует и займитесь вы большим построением большого искусства, принося себя до некоторой степени в жертву, так как приносил Курбас и его товарищи.

Немного поголодайте, немного откажитесь от машин, от квартир больших, от многих тех, которые будут мешать, понимаете, мешать; и возьмитесь за большое искусство. И это будет памятник, лучший памятник Курбасу; о большом искусстве, монументальном искусстве, больших полотнах, больших чувств человеческих, больших возможностей, большой мечте человечества - вот это и будет лучшим памятником Курбасу.

А в завершение грустно мне, грустно смотреть: сидит молодежь, сидит несколько стариков, а где же наши писатели, где бывшие товарищи мои, которые в начале; вот когда мы строили театр, они участвовали в клубе Блакитного, шли споры ночью, волнения, страсти разгорались, ссорились, любили и делали. Где же сейчас, я не вижу здесь ни одного писателя. И так оно везде. Собираются художники - ни одного актера, ни одного писателя; собираются писатели - ни одного художника, ни актера.

В конце концов, товарищи, если мы будем так дальше жить, то мы не построим того памятника, который заслуживает Курбас.

А мы должны его построить и сделать этот великолепный памятник, который будет называться: новаторское искусство - искусство Коммунизма.